

Екатерина Залекер

**СЛОВЕСНОСТЬ
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
ЗАГРАНИЦЕЙ**

Учебное пособие

Москва, 2018

УДК 81'276.3+82-52

ББК 81-67/86.372-7

3 23

Залекер, Е. С.

3 23 Словесность Русской православной церкви за границей : учебное пособие / Е. С. Залекер. — М. : Человек слова, 2018. — 172 с.

ISBN 978-5-6041599-7-2

УДК 81'276.3+82-52

ББК 81-67/86.372-7

*Рецензент — доктор филологических наук,
профессор Олег Иванович Федотов*

Рисунки Дмитрия Мокшина

Предлагаемая читателям книга содержит лекции по новому для высшей школы спецкурсу «Словесность Русской православной церкви за границей», в которых раскрываются особенности словесности одной из современных локальных культур.

Пособие вводит в научный оборот новый материал (творчество таких проповедников РПЦЗ, как Филарет (Вознесенский), Аверкий (Таушев), Виктор Ильенко и др., периодические издания РПЦЗ: церковно-общественный журнал «Православная Русь», церковно-богословско-философский ежегодник «Православный путь», журнал «Церковная жизнь», публикации в которых дают представление о повседневности Русского зарубежья и церковного подполья советской и постсоветской России, а также интервью, воспоминания и т. д.) и указывает возможные пути его изучения. Книга снабжена приложением, в котором представлены образцы словесности РПЦЗ.

В задачу автора не входило представить систематизированный курс, он предлагает отдельные лекции по ключевым темам, разнообразные в стилистическом и жанровом отношении, призванные дать общий очерк картины мира, фольклора и «наивной литературы» Русской православной церкви за границей. Особое внимание в курсе также уделяется такой форме церковного искусства, как проповедь, которая рассматривается с филологической и культурологической точек зрения.

Книга предназначена для преподавателей, студентов, бакалавров, аспирантов филологических и культурологических факультетов, она может быть также интересна широкому кругу читателей.

УДК 81'276.3+82-52

ББК 81-67/86.372-7

ISBN 978-5-6041599-7-2

© Залекер Е. С., 2018

Введение

Пособие предлагает лекции по новому для высшей школы спецкурсу «Словесность Русской православной церкви за границей», в которых раскрываются особенности словесности одной из современных локальных культур.

В современных программах культурологических факультетов важное место занимает история культуры повседневности советской и постсоветской России и зарубежных стран, на филологических факультетах изучается речевой обиход современного горожанина. Однако локальные культуры, их картины мира, повседневный быт и фольклор представлены недостаточно.

Что касается эмигрантологии, то она, активно развиваясь на Западе, в России как отдельная наука не рассматривается. При этом как в отечественной, так и в западной филологии и культурологии религиозная культура русской эмиграции исследуется достаточно тенденциозно: творчество церковных деятелей и околоцерковных кругов РПЦЗ игнорируется.

Студенты культурологических и филологических факультетов в настоящее время знакомятся с некоторыми особенностями церковной культуры, но не имеют представления об искусстве проповеди, которая являет собой не только форму церковной словесности (в таком аспекте ее изучает гомилетика), но должна рассматриваться как обширный пласт русской духовной литературы.

Пособие призвано восполнить эти пробелы. Оно вводит в научный оборот новый материал (творчество таких проповедников РПЦЗ, как Филарет (Вознесенский), Аверкий (Таушев), Виктор Ильенко и др., периодические издания РПЦЗ: церковно-общественный журнал «Православная Русь», церковно-богословско-философский ежегодник «Православный путь», журнал «Церковная жизнь», публикации в которых дают представление о повседневной

сти Русского зарубежья и церковного подполья советской и постсоветской России, а также интервью, воспоминания и т. д.) и указывает возможные пути его изучения. Книга снабжена приложением, в котором представлены образцы словесности РПЦЗ.

В задачу автора не входило представить систематизированный курс, он предлагает отдельные лекции по ключевым темам, разнообразные в стилистическом и жанровом отношении, призванные дать общий очерк картины мира, фольклора и «наивной литературы» Русской православной церкви за границей. Особое внимание в курсе уделяется такой форме церковного искусства, как проповедь, которая рассматривается с филологической и культурологической точек зрения.

Более десяти лет назад (17 мая 2007 года) был подписан Акт о каноническом общении Русской православной церкви и Русской православной церкви за границей, однако отдельные приходы неприсоединившихся и по сей день продолжают существовать как в России, так и за рубежом. Автор пытается избежать оценочной характеристики этого явления, а рассматривает его как факт культуры.

Русская православная церковь за границей рассматривается автором как локальная культура с вековой историей, сохранившая неразрывную связь с русской церковной культурой (дореволюционной и советских лет) и вместе с тем сформировавшая собственные традиции, фольклор, особенности словесности. Книга подводит первые итоги филологического изучения этой культуры, в ней обобщены научные доклады и статьи автора о словесности Русской православной церкви за границей, опубликованные в 2014—2016 гг. в отечественных и зарубежных изданиях.

Книга предназначена для преподавателей, студентов, бакалавров, аспирантов филологических и культурологических факультетов, она может быть также интересна широкому кругу читателей.

ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ

Материалом для настоящего исследования послужила устная и письменная словесность Русской православной церкви за границей (далее — РПЦЗ): проповеди, письма, устные и письменные рассказы, а также материалы, опубликованные в периодических изданиях РПЦЗ, и интервью с представителями РПЦЗ в России.

Русская православная церковь за границей рассматривается нами как целостная субкультура, или локальная культура, со своей системой ценностей и антиценностей, картиной мира (которая практически не менялась на протяжении всего XX века), своими традициями и фольклором. Задача первой, вводной главы исследования — выявление центральных семиотических текстов данной локальной культуры, раскрытие особенностей ее картины мира, символики пространства и времени. Мы рассматриваем не собственно религиозный, церковный и политический аспекты картины мира РПЦЗ, а исключительно ее фольклорно-мифологический аспект, понимая под этим единство смыслоносящих структур и полагая, что собственно жизненные события по отношению к традиции вторичны: драматургия жизни определяется драматургией, заложенной в традиции, в том числе и драматургией повествований¹; образ мира, данный в словесности, формирует саму «икону жизни».

---

¹ См.: Неклюдов С. Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность : материалы науч. конф. (Санкт-Петербург, 18–20 февр. 1998 г.). СПб., 1998. С. 288–292.

Особенности пространства

Россия

Особое место в картине мира Русской зарубежной церкви занимала Россия. На мифе о царской России как ушедшем золотом веке, времени, когда идеал совпадал с реальностью, и о зарубежной церкви как хранительнице ее традиций держалась культура РПЦЗ. Художественное пространство проповедей (причем не только специально посвященных России и русским святым, но часто и текстов на общецерковные темы, например, слов, берущих свое содержание из идеи церковного года, или омилий — изъяснительных бесед, ставящих своей задачей изъяснение Священного Писания) построено на тройной антитезе: Россия в эмиграции — советская Россия, ушедшая Святая Русь — советская Россия, идеальная Святая Русь — земная реальность. Советская Россия во власти богоборцев, земная реальность все дальше отходит от заветов христианства, идеал можно найти лишь в «*распятой Святой Руси*». В этой искомой Святой Руси есть свои духовные центры — это Киев с Киево-Печерской лаврой и Москва с Троице-Сергиевой лаврой, освященной, или, говоря языком проповедника, «*осиянной*», светом преподобного Сергия Радонежского².

Советская Россия описывалась как «антимир»: истории, «рассказанные» выходцами «*оттуда*», сформировавшие жанр эмигрантских «страшных рассказов» об «ужасах» советского строя, регулярно находили место на страницах издававшихся РПЦЗ журналов [М. В., 1958; Наталия К., 1947 и др.]. «*Оттуда*» — специфический эмигрантский арготизм, выражающий значимость для русских эмигрантов темы советской России как пространства антиценностей. С другой стороны, именно на территории СССР существовала катакомбная церковь, которая оценивалась «зарубежниками» как подлинная про-

---

² Об этом подробнее см.: 2 и 3 главы настоящего издания ; Ефимова Е. С. Преподобный Сергей Радонежский и Троице-Сергиева Лавра в проповедях Русской Православной Церкви Зарубежом (вторая пол. XX в.) // Макариевские чтения : материалы рос. науч. конф. (Можайск, 25—27 июня 2014 г.). Вып. XXII : Преподобный Сергей Радонежский и Московская Русь. Можайск ; Тверь, 2015. С. 93—111.

должательница традиций тихоновской церкви (святейший патриарх Тихон (в миру Василий Иванович Беллавин; 1865—1925), чрезвычайно почитавшийся православными еще при жизни, был канонизирован Русской православной церковью за границей в 1981 году, а в 1989 году — Русской православной церковью).

Катакомбной церковью называли представителей духовенства и общин, которые отвергли подчинение юрисдикции Московского патриархата и перешли на нелегальное положение. Возникло это движение в 20-е годы и просуществовало на всем протяжении XX века, утратив к 70-м годам массовый характер. В докладе на первых Мeneвских чтениях³ историк А. Л. Беглов выделил следующий комплекс значений, который характеризует это понятие: церковно-политическая оппозиционность Московской патриархии, нелегальность с точки зрения советского законодательства, последовательная «антисоветская» настроенность ее членов. Исследователь отмечает, что в таком виде выражение «катакомбы» стало орудием идеологической полемики РПЦЗ, так как «мощное подполье в СССР, оппозиционное Московской патриархии, по мысли деятелей Зарубежной церкви, доказывало нелегитимность легальной иерархии и тем самым оправдывало претензии РПЦЗ на имя единственной преемницы “тихоновской” церкви» [Беглов, 2007, с. 53]. Мотив святости советских катакомб находим в проповедях, письмах, устных и письменных рассказах РПЦЗ.

Бесчисленный сонм новых мучеников засвидетельствовал свою верность Христу. <...> Несмотря на жесточайшие преследования, Церковь остается непобежденной. Хоть и разрушено множество храмов, так что в целом ряде городов, прежде красовавшихся величественными храмами, ныне не осталось ни одного из них, но тайно собираются верующие и молятся Господу Богу. Воскресли для России времена катакомб, которых она раньше не знала, ибо прежде никогда не испытывала гонения веры, —

---

³ «Мeneвские чтения» — ежегодная научная конференция, проходит в Сергиевом Посаде по благословению митрополита Крутицкого и Коломенского Ювеналия. «Мeneвские чтения» приурочены ко дню памяти протоиерея Русской православной церкви Александра Меня.

свидетельствовал святитель Иоанн Шанхайский и Сан-Францисский (в миру Михаил Борисович Максимович; 1896—1966) в 1938 году [Иоанн Шанхайский, 1998, с. 212].

Рухнуло в бездну Православное Русское Царство, бывшее оплотом истинно-христианской веры для всего мира, миллионы лучших русских людей были подвергнуты жесточайшему, беспощадному истреблению, Святая Русь вся была залита кровью и слезами, и остатки ее, уцелевшие от страшного варварского погрома и избиения, ушли в подполье. <...>

Но мы верим, что не до конца оставил Господь русский народ, безумно поддавшийся вражьему искушению и впадший чрез это в такое страшное кровавое испытание. Есть еще малый «остаток» сохранивших верность Господу и Спасителю нашему русских людей, скрывающихся в катакомбах, —

проповедовал архиепископ Аверкий (в миру Александр Павлович Таушев; 1906—1976) в 1970-х годах [Аверкий (Таушев), 1976, с. 384—385].

В периодических изданиях РПЦЗ систематически публиковались материалы о катакомбниках. Так, например, журнал **«Православная Русь»** (издается с 1928 года, издание возобновлено в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле в 1947 году) с первого номера (1947 год) вел рубрику **«И свет во тьме светит»** с подзаголовком **«Советские катакомбы духа»**, в которой публиковал «все, что касается бытовой стороны подсоветской церковной жизни» [Православная Русь, 1947, № 1, с. 8], в том числе катакомбные жития, воспоминания о катакомбных священниках, легенды о чудесах во время гонений.

В проповедях, как правило, речь шла об обобщенной катакомбной церкви, в рассказах конкретизировалось пространство, появлялись конкретные персонажи, часто безымянные. Так, митрополит Филарет (в миру Георгий Николаевич Вознесенский; 1903—1985) в 1980 году в одном из писем описывал «случай» из жизни русской церкви XX века, а именно рассказ легендарного характера о монахинях, оказавшихся в Соловецком концлагере и отведенных чеки-

стами на *«холм смерти»*, но выживших благодаря своей *«верности до конца»* [Филарет (Вознесенский), 2007, с. 198—199].

Тюремное пространство в РПЦЗ всегда было маркировано как пространство, наделенное признаками святости. Фабульная схема данного рассказа вполне типична для житий, возникших в РПЦ в период канонизации новомучеников, но в нарративе РПЦЗ она обретает иное значение: нейтральные монахи характеризуются как «катакомбные». Сама «гонимость» церкви являлась свидетельством ее подлинности. В словесности РПЦЗ катакомбники, с одной стороны, и чекисты как *«слуги антихриста»* — с другой, являются воплощением высших метафизических сил, между которыми шла война на территории СССР. Драматургия проповедей, устных и письменных рассказов, в которых катакомбная церковь описывалась как единственная сила, противостоящая безбожному режиму, определялась драматургией раннехристианских житий и церковных преданий в новом апокалипсическом контексте.

Советская Россия описывалась как *«антихристово царство»*. В РПЦЗ, как и в катакомбной церкви в России, происходила мифологизация советской власти: интерпретация и описание ее как власти антихриста имели не риторический смысл, а являлись предметом религиозной веры. В Русской православной церкви (далее — РПЦ) существует предание о приходе ленинградских священников к Сергию (Страгородскому), бывшему Патриархом Московским и всея Руси в 1943—1944 годы, с вопросом, может ли он поручиться, что нынешняя власть *«не антихристова»*. Хотя предание характеризует картину мира РПЦ, тем не менее оно свидетельствует о значимости темы *«антихристово царства»* для русской церкви. Но если в РПЦ тема *«антихристово царства»* была запретной (она возникла уже в 1990-е годы), то РПЦЗ на всем протяжении своей столетней истории интерпретировала РПЦ как церковь, обслуживающую *«антихристову власть»*. Однако более важно другое: РПЦ для РПЦЗ — это «чужая» церковь, «чужая» культура, и *«антихристово»* здесь символизирует концентрацию «чуждости», как «татарское» (*«неверные»*) в *«Словах»* Серапиона Владимирского или «немецкое» (*«латиняне»*) в *«Житии»* Александра Невского. Надо отметить, что

тема антихриста актуализируется в культуре в определенные переломные периоды истории и закрепляется в фольклоре той или иной субкультуры иногда на несколько столетий. Так, известен случай, что в паломнической русской монастырской среде в 80-е годы XX века распространялось «святое письмо», где в качестве антихриста фигурировал Наполеон⁴.

Эмиграция

Если советская Россия в РПЦЗ описывалась как апокалипсический мир, ушедшая Святая Русь характеризовалась не только как святое пространство, «Дом Пресвятой Богородицы», но и как дом в бытовом значении этого слова — средоточие «интимной духовности», то в эмигрантской жизни была отмечена оппозиционная антиценность — бездомность.

Наша нужда — наша бездомность. Каждый из нас — это сухой листок: оторвался от ветки родимой и вдаль укатился, жестокою бурей гонимый. Но листок сух и безжизнен, а мы — живые души — и так устали за эти бесконечные годы скитаний, —

читаем в проповеди митрофорного протоиерея Виктора Ильенко (1894—1989) [Ильенко, 1964].

Мотивы бездомности, нищеты и бедствий русского эмигранта встречаются в проповедях, но они более типичны для рассказов, воспоминаний, некрологов, персонаж которых в эмиграции занимает самую низкую ступень в социальной иерархии, что, как правило, контрастирует с его положением на родине до октябрьского переворота. Особенно это касается повествований, персонаж которых — эмигрант первой волны. Так, в некрологе, посвященном памяти самого митрофорного протоиерея отца Виктора Ильенко, начало его эмигрантской

---

⁴ Перед нами — одно из курьезных доказательств того факта, что субкультура является держательницей архаичных фольклорных форм и практик, классических сюжетов и образов, давно утраченных основной культурой. Подробнее об этом см., например: Ефимова Е. С. Современная тюрьма: быт, традиции и фольклор. М., 2004. 398 с.

судьбы описывается как служение в православной церкви в Риме, где он числился *«на должности церковного сторожа»* [И. А., 1989, с. 10]. В некрологе митрофорному протоиерею Борису Крицкому отмечаются сопровождавшие его на протяжении всей жизни *«стесненные обстоятельства»*, служение *«на маленьком, очень плохо оплачиваемом и трудном приходе»*, *«ничтожное содержание»*, оттенявшие его *«самоотверженность»* и *«безропотность»* [Е. Г., 1989, с. 11].

Эмиграция в словесности РПЦЗ часто описывалась как бегство (*«наша беженская жизнь»*), смысл которого — сохранение веры. Сюжетная судьба персонажа в повествовании могла состоять из двух мотивов: бегство и смерть, но смерть вне безбожного пространства оценивалась как смерть праведника. Особость такой кончины в текстах Русской зарубежной церкви отмечена тем, что персонаж сам совершает действия, которые согласно традиции должны были над ним совершать уже после смерти участники погребального обряда. Отмечены центральные символы погребального обряда: гроб, в который персонаж ложится сам, священнические одежды, в которые он сам себя облачает. Персонаж мог даже совершить над собой обряд отпевания. Все эти мотивы содержатся в древних житиях, специфика данных действий в зарубежной церкви в том, что их совершает не прославленный святой, не «базовая личность субкультуры», а безымянный один человек, что должно свидетельствовать о том, что такая смерть для эмигранта не исключительна, а типична, при этом сами рассказы тяготеют к притче. Так, в ежегоднике *«Православный путь»* за 1972 год протоиерей Николай Депутатов, размышляя *«о временном и вечном»*, приводит ряд таких *«случаев»*, персонажами которых являются безымянные *«смиранный протоиерей»*, *«кротчайший священник»*, *«батюшка»*. Вот один из цепочки таких коротких рассказов:

Подобный случай был и в Трехречье. После бегства от большевиков в Китай, недолго там пожив, — батюшка заболел и, чувствуя приближение смерти, возлег на одр, сам себя отпел и скончался. Трехречье только что заселялось — духовенства другого не было... [Депутатов, 1972, с. 24].

В традиционной русской культуре бегство имеет семантику пре-

дательства или проклятия, в эмиграции бегство — форма сопротивления богоборческой власти: в ней персонаж проявляет свойства, являющиеся высшей культурной ценностью. Если в церковной литературе Святой Руси (в «**Повести временных лет**», монастырских патериках) смерть в русском монастыре описывается как святая, то в условиях XX века, когда пространство некогда Святой Руси оказалось во власти «*богоборцев и безбожников*», смерть вне этого пространства оценивалась как итог и венец «*смирненной*» и «*кротчайшей*» жизни.

Странничество эмигранта осмысливается, с одной стороны, как изгнание, но, с другой стороны, как общий «*скорбный путь*» христианина, потому ему покровительствует Богоматерь Одигитрия. В проповеди, посвященной этой иконе, третий первоиерарх РПЦЗ Филарет (Вознесенский) говорит:

Ведь всякому же ясно, что не случайно, а промыслительно, как уже много десятков лет русские православные люди пребывают вне своего отечества, за границей и в каком-то смысле — в изгнании, с ними все это время пребывает и этот чудотворный образ Божией Матери Одигитрии (что значит Путеводительница).

Она идет впереди нас на нашем скорбном пути [Филарет (Вознесенский), 1981, с. 214].

И в другой проповеди, посвященной этой иконе:

Зарубежная церковь странствует, странствует она по всему белому свету, и в этом ее странствовании ее Путеводительница — Пресвятая Дева Мария в ее чудотворном образе. Она ведет нас, грешных и слабых [Филарет (Вознесенский), 1981, с. 213].

Надо отметить, что христианская символика и сама иконография образа Одигитрии иная: Богоматерь, указующая на Христа, ведет зрителя к Христу, указывает путь спасения. Помощницей в путешествиях Одигитрия была в фольклорном восприятии, но РПЦЗ охотно принимает это народное толкование: оно приближает образ к реальной земной жизни русского эмигранта.

Особенности времени

Цикличность времени

Очевидна цикличность церковного времени и церковной словесности, находящейся в зависимости от церковного календаря. В первую очередь это касается церковной проповеди. В Русской зарубежной церкви Россия вспоминалась в дни, посвященные прославленным русским иконам, русским святым, но были дни в церковном году, когда особенно актуализировалась тема эмигрантской жизни. Так, в преддверии Великого поста, когда в течение трех воскресных дней в церквах в соответствии с православным каноном поется 136-й псалом **«На реках Вавилонских»**, формирующие соответствующие сюжетные ходы проповеди, особую актуальность приобретал мотив *«вавилонского плена»* как символа русской эмиграции. *«Сидение»* иудеев на реках вавилонских оказывалось синонимично русскому странствованию: драматургия библейских текстов определяла драматургию русской эмигрантской жизни и церковной проповеди. При этом сам псалом отражает традиционный фольклорный сюжет: в трагический час гибели *«святого града»* пребывание изгнанников или пленников на *«земле чуждой»* осмысливается как укрепляющее *«свои»* ценности.

От церковного календаря зависимы не только проповеди: определенные дни церковного года связывались с повторявшимися рассказами, воспоминаниями, приметами, шутками. Линейное историческое время также оказывалось вписано в церковный годовой круг. У первого поколения эмигрантов ожидание освобождения России от *«ига безбожия»* и связанные с этим ожиданием повествовательные тексты ежегодно повторялись в преддверии праздника Успения Богородицы (15 (28) августа), при этом грядущее событие макроистории становилось гипотетической реализацией мотива *«своей»* словесности. Архиепископ Аверкий (Таушев) вспоминал:

В первые годы нашей беженской жизни за границей широко распространился слух, ведущий свое начало будто бы от одного из прозорливых старцев, что спасение России от ига лютого безбожия произой-

дет именно в день праздника Успения Пресвятой Богородицы. И сколь многие тогда ежегодно ожидали с нетерпением этого дня... [Аверкий (Таушев), 1976, с. 423].

Историческое линейное время

Начало истории

В словесности РПЦЗ как начало новой истории было особо маркировано не 7 ноября 1917 года — дата, вошедшая в советские учебники и всенародно отмечавшаяся как день «Великой Октябрьской социалистической революции», а 2 (15) марта 1917 года — дата, ознаменовавшаяся событием отречения от престола последнего русского императора. Этот день церковная традиция связывает с обретением иконы Божией Матери Державной, которая стала центральным образом новой русской иконографии, знаменующим преемственность новой России и Святой Руси и одновременно обозначающим начало нового этапа в истории России и русской церкви. В советское время икона хранилась в запасниках Исторического музея, сюжет о связи ее появления с отречением императора патриархальной церковью на десятилетия был «забыт». Вот как пишет на страницах журнала «Православная Русь» безымянная Монахиня *«оттуда»*:

Кровь, пролитая почитателями Державной Божией Матери, омочила одежду Небесной Владычицы. Были арестованы сотни верующих, расстрелян составитель службы и канона, изъяты иконы из всех церквей, и, конечно, запрещен акафист [Монахиня «оттуда», 1947, с. 8].

Сравним две зарубежные проповеди, трактующие этот образ и сюжет, — слово философа и богослова отца Сергия Булгакова (1871—1944) в день Покрова Пресвятой Богородицы **«Светлый Покров над миром»** и проповедь наиболее авторитетного проповедника РПЦЗ второй половины XX века владыки Аверкия (Таушева), созданную сорок лет спустя. Проповедь владыки Аверкия передает церковное предание об обретении иконы:

...что Пречистая Матерь Божия не отняла совсем Своего покрыва над Русской Землей, об этом свидетельствует чудесное явление в самый день отречения Государя Императора Николая Александровича 2 марта 1917 года последней нашей чудотворной иконы — Божией Матери Державной. На этой иконе Божия Матерь изображена в царской короне, со скипетром и державою в руках, в красной, как бы пропитанной кровью, одежде, со взглядом очей, выражающим скорбь [Аверкий (Таушев), 1975, с. 513].

Проповедь владыки Аверкия не только отражает церковное предание, но и выражает сюжетность образа Божией Матери Державной как обращения-призыва к будущим новомученикам, этот сюжет разворачивается в преданиях и воспоминаниях первых послереволюционных лет. Так, та же безымянная Монахиня в «наивном» очерке «Преемство державы Российской» повествует о приходе группы верующих — будущих новомучеников — к новой святыне, персонажи читают образ как призыв и выражают готовность к подвигу:

Вся одежда Небесной Владычицы словно пропитана кровью... жертвенной кровью... До боли ярко стала перед нами сокровенная мистика этого явления. <...> В явном знамении Сама Владычица подает нам утешение и силы на путь Господен среди свистопляски свирепствующего кругом нас урагана безбожия. Сам Бог посылает нам укрепление на брань с дьяволом.

— Я больше ничего не боюсь! — шепчет 16-летняя Оля и улыбается сквозь слезы.

— Чего нам бояться! Ведь ясно: с нами Она! — отзывается другой юноша и радостно встряхивает кудрями.

Оба они давно погибли смертью мучеников где-то на дальнем севере [Монахиня «оттуда», 1947, с. 8].

Сергий Булгаков, не принадлежавший к РПЦЗ, строит проповедь несколько иначе. Изложив историю праздника Покрова Пресвятой Богородицы, посвященного событию, произошедшему во Влахернском храме в Царьграде, далее, следуя древнерусскому кано-

ну, переходит к теме «*далекой страны полуночной*», «*земле Русской*», всегда особенно почитавшей этот праздник, а затем, уже согласно новому канону, сложившемуся в Русской зарубежной церкви, — к теме современности, «*нынешней скорби*» русского народа, и вспоминает новую святыню — Божию Матерь Державную:

Не оставила Она русскую землю, хотя и попущены ей сатанинские испытания. Се тихим гласом — в явлении чудотворной Державной иконы Своей — возвестила в начальную годину искушений Богородица, что ныне Она русской земли Госпожа и Царица и содержит ее в Державе Своей [Булгаков, 1938, с. 11—12].

Аверкий (Таушев) делает акцент на «*кровавом*» облачении Богоматери, являющемся символом мученичества как нового пути России. У Булгакова отмечается «*тишина*» явления этого образа. **Конец** одной эпохи («*последняя наша чудотворная икона*») и **начало** новой («*начальная година искушений*») сливаются в одном образе.

Канонизированное в словесности РПЦЗ отречение императора Николая II от престола — фабульная завязка истории гонимого царя и одновременно истории эмигрантского мира. Традиционные мотивы, связанные с образом идеального царя: близость церкви, уход от власти, изгнание, страдальческая кончина и посмертная слава, — в эмиграции связывались с разными представителями царской фамилии: Павлом I (в РПЦЗ думали о его канонизации как невинноубиенного), Александром I (в эмиграции были широко распространены рассказы легендарного характера о Федоре Козьмиче — старце, под именем которого якобы скрывался отрекшийся от власти император). Повествования, центральным персонажем которых являлся последний русский император, полностью реализуют эту схему и в РПЦЗ обретают смысл основополагающей культурной ценности. Данная схема реализовалась и в устных рассказах, слухах, воспоминаниях, и в ежегодных проповедях — словах, сопровождавших панихиды по убиенному императору, а после канонизации царственных мучеников в 1981 году финальные молитвы об упокоении сменились молитвами, обращенными к прослав-

ленным святым, при сохранении той же структуры проповеди. При этом сами глобальные события макроистории оказывались лишь реализацией мотива церковной словесности: 1917 год был предугазан задолго в пророчествах русских святых. Так, в «Слове **перед панихидой по почившем Царе-Мученике Императоре Николае Александровиче и всей его царственной семье**», произнесенном вторым первоиерархом РПЦЗ Анастасием (в миру Александр Алексеевич Грибановский; 1873—1965) в Вознесенском соборе на Бронксе 2 (15) июля 1951 года, говорится:

Пришел черный год, предсказанный нашими святыми и мудрыми провидцами, и для Государя начался подлинно крестный путь, главные моменты которого памятливы еще всем нам [Анастасий (Грибановский), 1956, с. 123].

Повествования повторялись ежегодно, определяясь временем церковного года (слова произносились в день убиения императора Николая II и его семьи) и особенностями церковного пространства (когда в Русском зарубежье появлялись храмы, иконы, памятники, посвященные царской семье, — в Харбине (1936), Брюсселе (1950), Белграде (1935)). В очерке к 75-летию мученической кончины царской семьи в издававшемся в Свято-Троицком монастыре в Джорданвилле ежегоднике «**Православный путь**» протоиерей Лев Лебедев пишет:

Так кто же от кого отрекся 2 марта 1917 года, — Царь от власти над Россией или Россия — от Царя? В меньшей мере отрекся Он, в большей мере от Него отреклась Россия... А та Россия, которая не отреклась, но которая ничего не могла решить и исправить, пошла на Голгофу страданий вместе с Царем и вслед за Ним [Лебедев, 1993, с. 14].

Под Россией, «*пошедшей на Голгофу вместе с Царем*», понимаются и катакомбники, и эмигранты, в социальной иерархии которых высшее место занимал «*гонимый и убиенный*» царь. В фольклоре диаспоры царь, от которого «*отреклась Россия*», стал не только нор-

мативной, базовой личностью, идеальным представителем субкультуры, воплощающим в себе ее нормы, но и сакральной фигурой — жертвой, положенной в основание нового социума. Мотив «гонимости» царя и социума как образ вечного странничества христианина содержал идею святости пути эмигранта, «гонимость» являлась одновременно и антиценностью, и высшей ценностью субкультуры. Канонизация царской семьи в РПЦ должна была иметь покаянный смысл, а в РПЦЗ она сообщала высшую легитимность самому «гонимому» социуму, но религиозные, церковные и политические вопросы, связанные с жизнью и мученичеством царя-страстотерпца, выходят за рамки исследования, посвященного драматургии повествований.

Конец истории

Реальное историческое время и географическое пространство имеют значение второстепенное по отношению ко времени и пространству субкультуры. Во многих традициях существует образ священного дерева как мировой оси, связующей историческое время от сакрального начала в космогонических текстах до сакрального конца в эсхатологических. Самый показательный пример — нарративы, посвященные Мамврийскому дубу в иудейской и христианской традициях. Согласно преданию, он растет с сотворения мира и будет стоять до конца света. Мотив гибели Мамврийского дуба имеет особый семиотический статус в церковной традиции. В фольклоре РПЦ он включен в контекст эсхатологического мифа:

Время кончилось. Мамврийский дуб засох. Теперь мир держится только на молитвах старцев [Т. Ш., 2015].

В РПЦЗ, где в целом всегда важную роль играла эсхатология, мотив гибели священного дерева, как это ни парадоксально, может совершенно утрачивать эсхатологический смысл и даже появляться в бытовых рассказах, трактующих взаимоотношения РПЦ и РПЦЗ в комическом ключе. В рассказах РПЦЗ священное дерево оказы-

вадается значимо как часть пространства, принадлежащего русским «зарубежникам», часть культуры РПЦЗ и источник некоторых основополагающих традиций: когда целостность субкультуры была разрушена — территория захвачена «чужими», дерево, находившееся на этой территории, погибло. Здесь мотив гибели Мамврийского дуба означает не конец времени как такового, а конец истории субкультуры. Приведем устный рассказ представительницы РПЦЗ:

...только в 90-х, когда часть зарубежников объединилась с патриархией, часть имущества они оттяпали, и сразу засох Мамврийский дуб. Правда. В тот же год. Мамврийский дуб — он так и рос. Он засыхал, но выростал росточек, и выростал новый Мамврийский дуб. Этот участок тоже принадлежал зарубежникам. И они желуди собирали и раздавали паломникам. Эти желуди сажали в Австралии, в Америке. И он засох, и совсем засох, и больше там не растет. Жалко [Архив ... , 2015].

Каково соотношение макро- и микроистории в исторических повествованиях? На первый план выступает внутренняя история социума, «своя» история. Вехи «чужой» истории упоминаются только для того, чтобы как-то соотнести «свою» историю с общепринятым летоисчислением. Так, Акт о каноническом общении РПЦЗ и РПЦ был подписан в 2007 году, но это — событие макроистории, официальное событие, фактически — событие «чужой» истории. В фольклоре РПЦЗ указывается другое время: с одной стороны, это первое нарушение целостности субкультуры в 1990-е годы, характеризующееся как «захват» священной территории «чужими»; с другой стороны, поскольку приходы РПЦЗ существуют и по сей день, сам факт объединения церковью представителям субкультуры часто кажется спорным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
ОБЩИЕ ОСОБЕННОСТИ КАРТИНЫ МИРА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ	5
ИСКУССТВО ПРОПОВЕДИ	25
Художественное пространство проповеди	25
Преподобный Сергей Радонежский и Троице-Сергиева лавра в проповедях Русской православной церкви за границей	25
Москва в проповедях Русского зарубежья	45
Россия XX века в проповедях Русской православной церкви за границей	56
Одическое и элегическое начала в проповеди	65
Художественное время проповеди	74
Великопостная проповедь о «мгновении поворота»	74
ФОЛЬКЛОР И «НАИВНАЯ ЛИТЕРАТУРА» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ ЗАГРАНИЦЕЙ	94
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	123
ПРИЛОЖЕНИЯ	129
Приложение 1. Образцы словесности Русской православной церкви за границей	129
Приложение 2. Алфавитный указатель имен.....	156
Приложение 3. Иллюстрации	163